

УДК 801.733: 82.161.1(091):82-1

## РОССИЯ, КАМА, ЛОРЕЛЕЯ...: К ДЕШИФРОВКЕ «ТЕМНЫХ МЕСТ» В ВОРОНЕЖСКИХ «СТАНСАХ» МАНДЕЛЬШТАМА

**Лев Рафаилович Городецкий**

докторант Института высших гуманитарных исследований

Российский государственный гуманитарный университет

Москва, ул. Чайнова, 15. levgorod@mtu-net.ru

В статье исследуется, главным образом, вызывающий дискуссии отрывок из мандельштамовских «Стансов» 1935 г.: «И что лиловым гребнем Лорелеи садовник и палач наполнил свой досуг». Аргументируется, что «палач» – это именно Сталин, а слово «свой» является «маской» слова «мой». Анализируется семантическое пространство «лилового» в воронежской картине мира Мандельштама. Исследуются также некоторые другие «темные места» в «Стансах».

**Ключевые слова:** Мандельштам; Стансы; Сталин; Лорелея; палач; садовник; лиловый; гребень; Кама.

Die schönste Jungfrau sitzt  
dort oben wunderbar,  
ihr gold'nes Geschmeide blitzet,  
sie kämmt ihr goldenes Haar.  
Sie kämmt es mit goldenem Kamme  
und singt ein Lied dabei,  
das hat eine wundersame,  
gewaltige Melodei

Над страшной высотой  
Девушка дивной красоты  
Одеждой горит золотою,  
Играет златом косы.  
Золотым убирает гребнем  
И песню поет она;  
В ее чудесном пеньи  
Тревога затаена.

*H.Heine “Die Loreley” (перевод А.Блока)*

1. В начале лета 1935 г. высланный в Воронеж Мандельштам написал стихотворение из 8 строф, которое он назвал «Стансы» [Мандельштам 1993 т.3: 95] с прозрачной отсылкой к итальянскому STANZA с коннотациями ‘строфа, комната, жилье, местожительство, местопребывание’ и к русскому парониму СТАНЦИЯ = «временная остановка в пути», суггестируемому итальянской феникой.

Как и полагается по жанру, содержание «Стансов» – «медитативное»: автор пытается осмыслить происшедшее с ним за последний год: попытка теракта против Сталина, арест, «поминание», новое местопребывание («станция»).

Автор раскаивается, – точнее, считает своей ошибкой и даже ругает себя за «затею» с эпиграммой на Сталина («проклятый шов, нелепая затея»)¹ и программирует свое примирение с окружающей действительностью во всех ее ипостасях: страна, государственный строй, армия, города, колхозные села, освоение Арктики, природа, люди и т.п.

Автор призывает сам себя, воспроизводя при этом набор мантр в стиле «вставшего на путь исправления каналоармейца»²: «люб[ить] шинель красноармейской складки», честно и продуктивно работать в своей области («я должен... работать речь... сам-друг») и быть политически лояльным и согласным с большинством («я должен жить, лыша и большевея»).

2. Несмотря на столь ясные общие «сквозные» смыслы, текст все же содержит несколько «темных мест». Выше была рассмотрена «правдоподобная гипотеза» о смысле «**проклятого шва**». Рассмотрим теперь 7-ю и 8-ю строфы «Стансов», содержащие «темное место», связанное с образом Лорелеи:

Я должен жить, дыша и большевея,  
Работать речь, не слушаясь – сам друг, –  
Я слышу в Арктике машин советских стук,  
Я помню всё: немецких братьев шеи  
И что лиловым гребнем Лорелеи³  
Садовник м палач наполнил свой досуг.

И не ограблен я и не надломлен,  
Но только что всего переогромлен...  
Как Слово о Полку, струна моя туга,  
И в голосе моем после удушья  
Звучит земля – последнее оружие –  
Сухая влажность черноземных га!

В 5-й строке 7-й строфы непонятно, причем тут Лорелея и, в особенности, почему ее гребень (которым она, по соответствующим легендам, все время чешется) лилового цвета? В 6-й строке той же строфы непонятен «садовник и палач». Вроде бы, Гитлер... но, как к известной фигуре из «Мертвых душ»: присмотришься попристальнее... Ой, Сталин!

То, что на роль «садовника и палача» есть 2 главных претендента, фиксировалось комментаторами давно. Еще в работе 1991 г. И.Месс-Бейер указывала на графяность образа Сталина как вождя-садовника в советской прессе 1934-35 гг. [Месс-Бейер 1991]<sup>4</sup>.

Рассмотрим аргументы в пользу каждого из двух претендентов.

За Гитлера:

(а) «немецких братьев шеи» → какие-то казни в фашистской Германии → Гитлер

(б) «Палач», который то ли рубит «немецких братьев шеи», то ли вешает их «за шею», а затем, отдыхая от этой работы, наполняет СВОЙ ДОСУГ, как национально-ориентированный немец, чем-то эксплицитно «германским» – Лорелей с ее аксессуарами, – это именно главный «германский» палач, т.е. Гитлер.

Остается непонятным: зачем Гитлеру «на досуге» именно ГРЕБЕНЬ Лорелеи и почему подчеркнут его ЛИЛОВЫЙ цвет – ни в одной балладе о Лорелее цвет ее гребня не указан (правда, всегда «в дверях скучает» общее соображение типа «лиловый» ↔ «кровавый» и т.п.). Еще неясно, почему САДОВНИК? Гитлера садовником не называли: правда, САДОВНИК паронимически суггестирует де Сада → садиста, и это коррелирует с семантическим спектром ПАЛАЧА, но именно Гитлер, вроде бы, садистом не был и т.д.

А главное, непонятно, почему для самого автора существенно ПОМНИТЬ, что Гитлер на досуге развлекается не, скажем, черепами и/или скелетами казненных немецких братьев (во вполне идеологически выдержанном «древнегерманском» стиле), а каким-то гребнем для расчесывания волос? В этом случае у вождя просматривается даже какой-то – Gott behüte! – еврейско-фрейдистский дегенеративный «фетишизм», совершенно здесь неуместный.

За Сталина:

(а) Именно он одновременно и ПАЛАЧ и САДОВНИК. Дело в том, что именно к Сталину (а не к Гитлеру)<sup>5</sup> применялось в прессе первой половины 30-х гг. клише «садовник», и широко цитировались «садоводческие» метафоры из его речей<sup>6</sup>.

(б) В мандельштамовской ситуации естественно «помнить» действия именно Сталина, а не далекого Гитлера, пусть тоже ПАЛАЧА. Любое действие, любой шаг Сталина в сознании Мандельштама этого периода НАПОЛНЯЕТСЯ гипертрофированно-огромным символическим содержанием: Мандельштам В ВЫСШЕЙ МЕРЕ ВСЕГО ПЕРЕОГРОМЛЕН, выражаясь его же словами<sup>7</sup>.

Остается непонятным **главное**: зачем Сталину ГРЕБЕНЬ какой-то немецкой Лорелеи: к тому же эта Лорелея, явная германская шпионка и троцкистская двурушница, дезориентирует судоводителей своим провокационным пением и публичным чесанием волос, что приводит к авариям и кораблекрушениям, – т.е. занимается вредительством на речном транспорте. Еще остается неясным, почему акцентируется ЛИЛОВЫЙ цвет ее гребня?

\*\*\*

Баланс аргументаций – нулевой. Как выражается в этом случае Талмуд, техника дискурса которого имеет непосредственное отношение к комментированию текста Мандельштама, «вопрос стойт», т.е. остается нерешенным. Неизбежно возникает желание считать образы Гитлер/Сталин «мигающими», как в некоторых других текстах Мандельштама и объяснить это, скажем, общей установкой мандельштамовского текста на «оксюморонность» и т.д. Само устройство текста Мандельштама<sup>8</sup> провоцирует генерирование «дурной бесконечности» такого рода «общих» комментариев.

3. Я все-таки хочу попытаться «решить» эту проблему, т.е. положить решающую гирию на чашу весов «за СТАЛИНА».

Основной тезис: **в последней строке рассматриваемой строфы слово СВОЙ является «маскирующим словом» для долженствующего здесь быть слова МОЙ.**

Конструкция «эквивитичной маски» совершенно не является необычной для «позднего» Мандельштама, – скорее, это рутинная техника<sup>9</sup>. Важно в каждом случае уметь аргументировать присутствие «маски».

Аргументацию построим сначала в виде «реконструкции» процесса появления интересующих нас образов «в сознании» Мандельштама. Итак, в начале июня 1934 года Мандельштам

плывет вверх по Каме на пароходе из Соликамска в Чердынь. Плывет с женой и спецконвоем из 3 человек. Путешествие это было необычно комфортным, – благоволивший к чете Мандельштамов старший конвоир разрешил (и даже посоветовал) им взять отдельную каюту: «Пусть твой отдохнет!»<sup>10</sup>

«Отдыхающий» Мандельштам НА ДОСУГЕ рассматривает высокий, поросший лесом БЕРЕГ (ГРЕБЕНЬ<sup>11</sup>) Камы. «Германский монитор»<sup>12</sup>, почти всегда работающий в его сознании, подсказывает ему простую русско-немецкую паронимическую связь Кама ↔ Камм ‘гребень, гребенка’<sup>13</sup>.

Существенно здесь же отметить, что фоническая интерференция немецкого Камм в русском тексте Мандельштама происходила и раньше. Например, в стих. «Квартира» (1933) в строках «И я, как дурак, на гребенке / Обязан кому-то играть» [Мандельштам 1993, т. 3: 74]: ГРЕБЕНКЕ ↔ [КАМ-уто].

Далее, (немецкое слово Камм<sup>14</sup>) + (русские слова «гребенка», Кама) + («речной пейзаж с высоким берегом») + (указанная фоническая связь в «Квартире») – вместе суггестируют картинку «Игры на гребенке на высоком берегу (гребне) реки». Эта картинка немедленно (и вполне рутинно для семантического процесса Мандельштама) тянет за собой активизацию более раннего мандельштамовского текста, а именно, пассажи из 4-й главы «Египетской марки» (ЕМ):

«Вот и Фонтанка – Ундина барахольщиков и голодных студентов с длинными сальными патлами, Лорелея вареных раков, играющая на гребенке с недостающими зубьями; река – кровительница плюгавого Малого театра, с его облезлой, лысой, похожей на ведьму<sup>15</sup>, надутую пачулями, Мельпоменой» [Мандельштам 1993, т. 2: 477].

Заметим, что в этом пассаже ЕМ Лорелея отождествляется с рекой (Фонтанкой).

Итак, вот и возникла Лорелея, играющая на дефектной «зубчатой» гребенке на высоком берегу Камы-реки. Автор как бы говорит: «И этим “гребнем”, т.е. гребнем Лорелеи и гребнем реки, и, наконец, самой рекой-Камой, заботливый садовник и палач Сталин наполнил мой досуг, – вместо того, чтобы просто казнить меня, – за что ему спасибо».

Заметим здесь же, что «зубчатая гребенка» и способность Камы «наполнить досуг» просвечивают в более позднем воронежском «ностальгическом» стихотворении о Каме, в котором образ реки «склеивается» с неким аттрактивным женским образом, более «выносимым» для Мандельштама, чем воронежская «убитость равнин»,

по которым, к тому же, «медленно ползет» какой-то кошмарный «народов будущих Иуда»:

Уж лучше б вынес я песка слоистый нрав  
На берегах зубчатых Камы:  
Я б удержал ее застенчивый рукав,  
Ее круги, края и ямы<sup>16</sup>.

\*\*\*

В завершение доказательства того, что в рассматриваемой строфе слово СВОЙ «маскирует» слово «мой», приведем еще одно соображение в пользу того, что «гребнем Лорелеи» наполнился досуг именно Мандельштама, а не «палача». Сохранился отрывок стихотворного текста, написанный Мандельштамом в 1935 г. – похоже, в мае – т.е. тогда же, когда создавались «Стансы»:

Это я. Это Рейн. Браток, помоги.  
Празднуют первое мая враги.  
Лореленным гребнем я жив, я теку  
Виноградные жилы разрезать в соку<sup>17</sup>

Дело в том, что при порождении текста Мандельштам обычно отождествляет себя с «объектом дискурса», т.е. в данном случае с «Рейном». Поэтому слова ЛОРЕЛЕИНЫМ ГРЕБНЕМ Я ЖИВ – не в меньшей степени прямая речь автора, чем «Рейна». Тем самым, автор как бы говорит: «палач наполнил МОЙ досуг гребнем Лорелеи, и этот гребень есть сейчас нечто жизненно важное для меня».

Но здесь зашифо еще одно свидетельство «жизненного значения» Лорелеинового гребня для Мандельштама в этот момент. Чтобы это увидеть, надо чуть поглубже «разрезать» текст. Дело в том, что в этой точке суггестируется следующая ассоциативно-паронимическая цепочка: ГРЕБЕНЕ-М → (пар.) Reben ‘виноград (лоза)’ → эпиграф из Э.Клейста к стих. Мандельштама «К немецкой речи» (1932)<sup>18</sup>, содержащий слова:

Reben ↔ ВИНОГРАДНЫЕ,  
Freund ‘друг’ ↔ БРАТОК,  
Saft ‘сок’ ↔ В СОКУ,  
leben ‘жить’ ↔ Я ЖИВ,  
fliehn ‘убегать, «утекать»’ ↔ ТЕКУ

В результате реконструируется четкая связь: ГРЕБНЕМ → набор объектов [«ВИНО-градная лоза», «ВИНО-градный сок»] → «текущая из ВЕНЫ ВЕНО-зная кровь» → ЖИЛЫ [вены!] РАЗРЕЗАТЬ → «вскрыть вены = покончить самоубийством»<sup>19</sup>.

Но слово ТЕКУ в тексте суггестирует второе (переносное) значение «соответствующего» ему немецкого fliehn, т.е. «утекать» = «убегать».

Окончательно получается смысл: «гребень Лорелеи есть сейчас нечто жизненно важное для меня: благодаря ему, я избегаю самоубийства».

4. Итак, Сталин наполнил досуг Мандельштама гребнем Лорелеи, ставшим для поэта на время «жизненно важным и даже спасительным».

Но почему этот гребень **лиловый**?

Ответ: гребень Лорелеи **ЛИЛОВЫЙ**, потому что:

(а) Лорелея = Сирена<sup>20</sup> → «сиреневый цвет» = «лиловый цвет». Конечно, в русской «языковой картине мира» эти цветовые концепты неполностью совпадают. Но заметим, что из германского контекста, который постоянно присутствует здесь, возникает русско-немецкая паронимическая связь: «сиреневый» → lila ‘сиреневый’ → (пар.) **ЛИЛОВЫМ**. Заметим еще, что Лорелея в немецких балладах, например, в упоминавшемся стихотворении Гейне, устраивает свои вредительские перформансы вечером, на заходе солнца<sup>21</sup>, т.е. как бы при наступлении «сиреневых сумерек».

Запишем более формально полученную цепочку: **ГРЕБНЕМ ЛОРЕЛЕИ** → **ГРЕБНЕМ** «сирены» → сиреневым **ГРЕБНЕМ** = Lila-kamme → (пар.) «лиловой Камой» → **ЛИЛОВЫМ ГРЕБНЕМ**

Стоит отметить и чуть более короткую цепочку, дающую связь Лорелея → «сиреневый». Эта цепочка просвечивает в наброске к гл. «Французы» из «Путешествия в Армению»: «...Роскошные плотные сирени Иль-де-Франс <...> горели на стене <...> [и были чувственной, лукавей и опасней огненных женщин] более сложные и чувственные, чем женщины»<sup>22</sup>. Здесь соблазнительная, чувственная, опасная женщина (=Лорелея!) → сирень → сиреневый (цвет).

Собственно, сказанного в п.(а), по-видимому, достаточно для демонстрации связи Лорелея → лиловый. Но нижеследующие пп. (б) – (е) достойны рассмотрения, потому что они дают интересное описание «работы» лилового цвета в воронежской «картине мира» Мандельштама.

(б) В представлении Мандельштама высокий берег (гребень) Камы-Вишеры зарос ельником: «Жгучий **ельник** бежит, молодея в воде»<sup>23</sup>. В то же время, по другим воронежским текстам видно, что «речной ельник» = «еловый лес у реки» связывается у Мандельштама с **лиловым** цветом, напоминающим цвет чернил<sup>24</sup>: «Близкой кажется **река**. / И какой **там лес** – **еловый**? / **Не еловый, а лиловый**, – / И какая там береза, / Не скажу наверняка – / Лишь **чернил** воздушных проза / Неразборчива, легка»<sup>25</sup>. Отсюда получается связь: «Гребень Камы» = «гребень Лорелеи» ↔ «лиловый (фиолетовый) цвет»<sup>26</sup>.

(в) В другом представлении Мандельштама почему-то возникает «гастрономическая» метафора<sup>27</sup>: высокий берег (гребень) Камы предстает большим куском мяса<sup>28</sup> на кости («костер» ← «кострец»), который можно съесть, предварительно посолив: «И хотелось бы гору с костром отслоить, / Да едва успеваешь леса посолить»<sup>29</sup>. Гребень горы, гора с костром = мясо, **ХВОЙНОЕ МЯСО**. [САЛИ-КАМ-ск] → [ЛИСА-ПА-САЛИ-ТЬ, АТ-СЛАИ-ТЬ]. По-видимому, цветовая гамма костреца, куска мяса на «мозговой» кости представляется Мандельштаму **синева-лиловой**<sup>30</sup>.

(г) В стих. 1937 года Мандельштам несколько ностальгически вспоминает свое путешествие 1934 года по Каме: «А на деле-то было тихо, / Только шел пароход по реке [Каме!], / Да за кедром<sup>31</sup> **ЦВЕЛА ГРЕЧИХА...**»<sup>32</sup> Поле цветущей гречихи имеет **розово-фиолетовый** (= лиловый) цвет. Связь в представлении Мандельштама «цветущей гречихи» с фиолетово-лиловой расцветкой, т.е. с цветовой гаммой «венозной крови», подтверждается строкой в мандельштамовском переводе (с французского) одного из стихотворений О.Барбье: «война цветет, как море гречи»<sup>33</sup> → аллюзия на связь **цвета крови** (суггестируемого концептом «войны») с цветом поля цветущей гречихи<sup>34</sup>, к тому же слова «война» и «вена» – паронимы.

(д) Еще один «лиловый» компонент гребня Лорелеи, которым «садовник и палач» наполнил досуг Мандельштама, – это воронежский чернозем. В стих. «Чернозем», почти совпадающем по времени создания со «Стансами», Мандельштам пишет о воронежской земле: «Переуважена, **перечерна**, вся в холе <...>. В дни ранней пахоты **черна до синевы...**»<sup>35</sup>. Видно, что суггестируемая цветовая гамма здесь фиолетово-лиловая.

Находясь в семантическом поле «чернозема», приведем еще одну цепочку со-ображений (т.е. сопоставлений образов): в уже рассмотренном в (а) отрывке из «Скрябина» некий «бессловесный **хор** Прометея» отождествляется с «**сиреной**». Но в других воронежских стихах Мандельштам солидаризируется с «пригвожденным к скале» [→ скала Лорелеи!] Прометеем<sup>36</sup>. Тем самым, имеется связь: «хор Прометея» ↔ «хор Мандельштама», откуда имеем отождествление: «хор Мандельштама» = «сирена». Но в стих. «Чернозем» говорится про воронежскую землю (= «чернозем»): «Вся рассыпаючись, вся образуя **хор**<sup>37</sup>, – / Комочки влажные моей земли и воли». Отсюда «хор Мандельштама» = «чернозем» = «сирена». Поэтому «чернозем» – сиреневый = **лиловый** и т.д.

(е) В завершение вернемся к приведенному в конце п.3 отрывку 1935 г.: «Это я. Это Рейн. Браток, помоги. / Празднуют первое мая враги. / Лорелеиным гребнем я жив, я теку / Виноградные жилы разрезать в соку».

Напомним, что в конце п.3 была продемонстрирована связь «Лорелеина гребня» с «текущей венозной кровью». Тем самым, «гребень» связывается, соответственно, с «темно-красно-лиловой» цветовой гаммой венозной крови, что и придает ему **лиловую** окраску.

<sup>1</sup> Я здесь сформулирую «правдоподобную гипотезу», уже опубликованную в монографии [Городецкий 2008]: здесь с большой вероятностью имеет место русско-немецко-идишская паронимическая связь ШОВ → Y[šof] ‘овца, баран’, Schöps ‘кастр. баран → перен. «осел», простофиля’ → т.е. смысл строки: «проклятый осел (я), нелепая затея (моя)». Ср. немецкое: *dumm wie ein Schaf* ‘глупый как баран’. Предположительно, здесь имеет место соединение идиш-фонники и немецкой семантики. Идишизм Y[šof] ‘баран’ более точен фонетически, но немецкая семантика «простофиля» – частотна. Равновероятно также использование немецкого диалектизма: в немецких диалектах присутствует слово [šof] ‘овца’ ← (сред.верхн.нем. *schaf* = нов.-нем. *Schaf*). Ср. в «Египетской марке» про Парнока и самого Мандельштама: «Товарищи в школе дразнили его “овцой”, <...> и другими обидными именами» [Мандельштам 1993 т. 2: 477]. Заметим, что в этой школе (в Тенишевском училище) учили немецкий. Напомним, наконец, что Н.Мандельштам вспоминала, что начиная с 1930 г. Мандельштам читал тексты на средневерхненемецком [Мандельштам Н. 1999: 288].

<sup>2</sup> «каналоармеец» (→ з/к = «заклученный каналоармеец»), «вставший на путь перековки, исправления и т.п.» – газетные штампы 1934–1935 гг.

<sup>3</sup> Вариант строк 4–5: «Я помню всё: **германских** братьев шеи И что **проклятым** гребнем Лорелеи...»

<sup>4</sup> Но еще задолго до 1991 г. московский поэт и переводчик М.Каждан указывал в устных обсуждениях «Стансов», что здесь «садовник» – это именно Сталин, а лиловый цвет гребня связан с черноземом и т.д. Этот факт, как и многие другие, показывает, что «смыслы» Мандельштама и дискурс о них – это некий специфический кусок ноосферы (или, может быть, «Устного Учения» в еврейских традиционных обозначениях), не укладывающийся в рамки «упорядоченных» статей в научных журналах.

<sup>5</sup> Стандартных сравнений Гитлера с садовником или указаний на увлечение его садоводством в **немецкой** прессе первой половины 1930-х гг. не зафиксировано. Это отмечает в своем исследовании Д.Лахути, см. [Лахути 2008: 136].

<sup>6</sup> Это впервые было отмечено в указанной выше работе [Месс-Бейер 1991]. Д.Лахути в своей монографии цитирует Месс-Бейер и приводит ряд своих убедительных примеров. Например, он указывает, что известные слова Сталина: «Людей надо внимательно

и заботливо выращивать, как **садовник выращивает** облубованное плодовое дерево» – «появляются как “шапка” – большими, плакатными буквами во всю ширину над второй страницей “Правды” от 29 апреля 1935 г.» [Лахути 2008: 135–136]. Нельзя не привести в этой связи также стих. «Садовник», шедевр садоводческой метафорики, созданный В.Лебедевым-Кумачом в 1938 г. Будучи немного более поздним, чем «Стансы», этот текст вполне релевантен здесь, потому что Лебедев-Кумач был талантливым «уловителем» общепринятых, «обще-симпатичных» на данный момент (середина 30-х гг.) общественно-политических концептуальных метафор: «Вся страна весенним утром / Как огромный сад стоит, / И глядит садовник мудрый / На работу рук своих. / Радость бабочкой веселой / Пролетает по кустам, / Вьются песни, точно пчелы / По лазоревым цветам. / Цепи яблонь протянулись / Там, где были пустыри... / Садовод глядит прищурясь / И тихонько говорит: / – Не напрасно люди наши / Проливали пот и кровь, – / Что ни день – светлей и краше / Выходит радостная новь! / День и ночь с веселым шумом / Сад невиданный растет, / День и ночь трудам и думам / Отдается садовод. / Все ему проверить надо / Взором пристальным своим, / Чтобы каждый корень сада / Был по-своему любим. / Он помощников расспросит, / Не проник ли вор тайком. / Сорняки, где надо, скосит, / Даст работу всем кругом. / Пар идет от чернозема, / Блещут капельки росы... / Всем родной и всем знакомый / Улыбается в усы» (текст взят из сети).

<sup>7</sup> Посмотрим «попристальнее» на начало 8-й строфы: «И не о-ГРАБ-лен я...». Здесь рутинная для Мандельштама семантическая обработка консонантного набора [GRB] дает более релевантный, чем «грабейж», смысл: «я все-таки жив, не положен в **гроб**, в **могилу** [← нем. **Grab** = ‘могила’]».

<sup>8</sup> Похожее на «устройство» и техники порождения еврейского традиционного текста (мидраш). См. об этом статью [Городецкий 2010].

<sup>9</sup> Вот очевидный пример из мандельштамовских «Стихов о русской поэзии» [Мандельштам 1993, т. 3: 68]: «В треуголках **НОСАЧИ**» (здесь **НОСАЧ** – это прозрачная эквиритмичная «маска» для «**усача**», частного в начале 30-х гг. прозвища Сталина).

<sup>10</sup> См. [Нерлер 2010: 58].

<sup>11</sup> Необходимо здесь отметить уже упоминавшийся «сквозной» для «Стансов» **неупорядоченный** трехконсонантный набор [BRG], присутствующий в «камских» стихах в явных и суггестируемых русских и немецких словах: БЕРЕГ, ГРЕБЕНЬ, О-ГРАБ-ЛЕН, BERG-EN ‘горы’. Этот «набор» работает и в других текстах Мандельштама.

<sup>12</sup> «Германский монитор» у Мандельштама – процесс отслеживания русско-немецких (и русско-идишских) омофонических, паронимических и др. связей. Подробнее см. в упоминавшейся монографии [Городецкий 2008].

<sup>13</sup> Строка из баллады Г.Гейне “Die Loreley”: “Sie kämmt es mit goldenem Kamme” (разумеется, «активизированная» в этот момент у Мандельштама) содержит слово Камме («гребнем»), еще более парони-

мичное название «Кама». Еще одно место в “Die Loreley”, способствовавшее активизации этого стиха Гейне у Мандельштама именно в 1934-35 – это строка: “Ein Märchen aus **uralten** Zeiten das kommt mir nicht aus dem Sinn”, в которой слово **uralten** ‘древний’, разумеется, фонически связывалось с «Уралом». Ср. «долговечный Урал» в почти одновременно со «Стансами» созданном стихотворении «Кама» [Мандельштам 1993, т. 3: 94].

<sup>14</sup> Оно же идишское с теми же значениями.

<sup>15</sup> В «дискурсе о Лорелее» ее часто называют «ведьмой».

<sup>16</sup> «О, этот медленный, одышливый простор!» [Мандельштам 1993, т. 3: 111].

<sup>17</sup> «Строки из уничтоженных или утерянных стихотворений» [Мандельштам 1993, т. 3: 365].

<sup>18</sup> Вот этот эпиграф (как обычно, «усвоенный → присвоенный» Мандельштамом): ‘**Freund! Versäume nicht zu leben** / Denn die Jahre **fliehn**, / Und es wird der **Saft der Reben** / Uns nicht lange glühn”.

<sup>19</sup> В более раннем шуточном стихе Мандельштама «Помпоныч, римский гражданин...» (20-е гг.) обыгрывается ситуация вскрытия **вен**: «И сам себе **разрезал скукожиля**, / Скукожился и дух по ванной испустил» [Мандельштам 1993, т. 2: 86].

<sup>20</sup> Образ «сирены» уже возникал у Мандельштама в статье <Скрябин и христианство>: «Бессловесный, странно немотствующий ХОР “Прометей” – все та же опасная, **соблазнительная СИРЕНА**» [Мандельштам 1993, т. 1: 204]. В приведенном выше пассаже из «Египетской марки» Мандельштам издевательски выворачивает семантическую картинку, превращая соблазнительную **роскошноволостую** Лорелею в «Лорелею вареных раков», омерзительную «покровительницу плюгавого Малого театра» с его «облезлой, **лысой**, похожей на ведьму Мельпоменой».

<sup>21</sup> У Гейне: “Die Luft ist kuhl und **es dunkelt** <...> im abendsonnenschein”. В переводе А.Блока: «Прохладой **сумерки** веют, / И Рейна тих простор; / **В вечерних лучах алеют / Вершины далеких гор**».

<sup>22</sup> [Мандельштам 1993, т. 3: 384].

<sup>23</sup> Стихотворение «Кама» (апрель – май, 1935) [Мандельштам 1993, т. 3: 93–94].

<sup>24</sup> Ср. в стихотворении «Еще мы жизнью полны в высшей мере»: «И пишут <...> толковые **лиловые чернила**» [Мандельштам 1993, т. 3: 97]. Это стихотворение написано 24 мая 1935 г., т.е. на том же временном пятячке, что и «Стансы».

<sup>25</sup> Стихотворение «Вехи дальние обоза...» (декабрь 1936 г.) [Мандельштам 1993, т. 3: 106]. Ср. вышеприведенные строки из стихотворения «Еще мы жизнью полны в высшей мере»: «И пишут <...> толковые **лиловые чернила**».

<sup>26</sup> Приведем наблюдение берега на закате солнца туристом-водником, ходившим по Каме-Вишере: «Берег по цвету ... вечером ближе к **синему** ... Под закат, естественно, **рыжевато-оранжевый**» (сообщено Г.Табункиным, Пермь). Если эти краски на палитре смешать, то как раз и получится то, что на немецком называется общим словом **lila**, т.е. фиолетово-сиренево-лиловая гамма. Связь: нем. **lila** → (пар.)

ЛИЛОВЫЙ здесь вполне релевантна ввиду общей «германскости» контекста и потому, что у Мандельштама при генерировании рассматриваемого текста, как уже отмечалось, «включен» т.н. «германский монитор».

<sup>27</sup> По-видимому, это метафора, индуцированная названием СОЛИ-КАМ-ск (исходный пункт плавания по Каме).

<sup>28</sup> Ср. в варианте стихотворения «День стоял о пяти головах...» (1935, апрель-май): «...**Горой пообедав, поезд ужинал лесом** <...>. Глаз превращался в **хвойное мясо**» [Мандельштам 1993, т. 3: 336].

<sup>29</sup> Стихотворение «Кама» (апрель – май, 1935) [Мандельштам 1993, т. 3: 93–94].

<sup>30</sup> Ср. в стихотворении «Импрессионизм»: «Его запекшееся лето **лиловым мозгом** разогрето», «А тень-то тень все **лиловей**, <...> Ты скажешь: повара на кухне **готовят жирных голубей**» [Мандельштам 1993, т. 3: 64].

<sup>31</sup> Т.е. на высоком берегу, на ГРЕБНЕ.

<sup>32</sup> Стихотворение «Средь народного шума и спеха» (январь 1937) [Мандельштам 1993, т. 3: 118].

<sup>33</sup> Заметим, что во французском оригинале у Барбье никакой «гречихи» нет и в помине.

<sup>34</sup> Запишем более формально паронимические связи здесь: ЦВЕТЕТ → blüht ‘цветет’, Blüte ‘цвет (растений)’ → (пар.) Blut ‘кровь’ → (асс.) «поле, залитое кровью».

<sup>35</sup> Стихотворение «Чернозем» (апрель 1935) [Мандельштам 1993, т. 3: 90].

<sup>36</sup> «Где связанный и пригвожденный стон, / Где Прометей – скалы подспорье и пособие?» (1937) [Мандельштам 1993, т. 3: 115].

<sup>37</sup> Необходимо здесь отметить высоковероятную побочную (хотя у Мандельштама, кажется, не бывает побочных связей) омофоническую связь: РАССЫПАЮЩИЕСЯ, ХОР → идиш [hor] ‘волосы’ (= нем. Haar, присутствует в тексте Гейне, см. эпиграф) → «рассыпающиеся волосы» → роскошные **рассыпающиеся по плечам волосы** Лорелеи, которые она, собственно, и расчесывает своим ГРЕБНЕМ.

### Список литературы

Городецкий Л. Текст и мир на листе Мёбиуса: языковая геометрия Осипа Мандельштама vs. еврейская цивилизация. М.: Таргум, 2008. 344 с.

Городецкий Л. Текст Мандельштама в сопоставлении с традиционным еврейским дискурсом // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 4(10). С. 145-151.

Лахути Д. Образ Сталина в стихах и прозе Мандельштама. М.: РГГУ, 2008. 245 с.

Мандельштам Н. Воспоминания. М.: Согласие, 1999. 480 с.

Мандельштам О. Собр. соч. в 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993-1999.

*Месс-Бейер И.* Эзопов язык в поэзии Мандельштама // Russian Literature. 1991. Vol 29. №1. P.245–393.

*Нерлер П.* Слово и “Дело” Осипа Мандельштама. М.: Петровский парк, 2010. 224 с.

**ROSSIYA, KAMA, LORELEYA...: DECIPHERING “OBSCURE PLACES”  
IN OSSIP MANDELSTAM’S VORONEZH “STANZAS”**

**Lev R. Gorodetsky**  
**Doctorant of the Highest Humanitarian Research**  
**Russian State University of the Humanities, Moscow**

The main object of the study is the often discussed fragment of the verse “Stanzas” (1935) by O.Mandelstam: «И что лиловым гребнем Лорелеи садовник и палач наполнил свой досуг». In the article it is stated that the mentioned phrase “садовник и палач” (the gardener and the hangman) embodies Stalin, and that the word «свой» (his) is a “mask” for the virtual word «мой» (my). The semantic space of the colour concept «лиловый» (lilac) in Mandelstam’s semantics is analyzed as well as some other “obscure places” in the verse “Stanzas”.

**Key words:** Mandelstam; Stanzas; Stalin; Loreley; hangman; gardener; lilac; comb; Kama (the river).